
И. А. Сванидзе

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ АФРИКАНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Социальная психология крестьянства Африки южнее Сахары складывалась на протяжении многих веков в условиях разнообразной и специфической природной среды и общественной действительности. В качестве хранительницы традиций, обычаев и групповой психологии крестьянства здесь выступала по преимуществу община — соседская или родовая. Многие черты социальной психологии африканского сельского жителя в указанном регионе типичны для психологии любого крестьянина-общинника, привыкшего вести по преимуществу потребительское хозяйство и оторванного от благ современной технической и духовной культуры. Понятно и закономерно, что она меняется с развитием товарного производства, установлением и расширением контактов с городом, внедрением просвещения. Само собой разумеется и то, что психология зажиточных слоев, выделяющихся при расслоении крестьянства в процессе развития товарного производства, существенно отличается от психологии массы рядовых крестьян-общинников.

Социальная психология крестьянства у различных народов и в различных районах Африки южнее Сахары имеет свои особенности, зависящие от экономических, социальных и географических условий. Но наряду с этим есть ряд психологических черт, традиций и обычаев, общих для большинства сельского населения на обширных территориях континента. Мы сделаем попытку выявить как частное, присущее социальной психологии отдельных африканских народов, так и то общее, что выделяет основную массу крестьянства Африки южнее Сахары или, по крайней мере, свойственно его большим фракциям.

Следует иметь в виду, что в деревне Африки южнее Сахары социальная дифференциация крестьянства слабо развита и не успела привести к созданию четко выраженных типов сельского населения, характерных для развитых капиталистических стран (сельский пролетарий, бедняк, середняк, кулак). Это дает основания говорить о массе рядового крестьянства, выделяя, где нужно, кулаков-фермеров.

На современном этапе своей истории молодые независимые африканские государства уделяют серьезное внимание развитию сельского хозяйства, его модернизации и реконструкции. Следует учитывать, что это отнюдь не только экономическая задача. Она требует активного сотрудничества масс крестьянства и мелких фермеров с государственными органами. Необходимой предпосылкой успеха является понимание крестьянином целей и задач общества, к которому он принадлежит. В связи с этим в разработке и осуществлении проектов развития сельского хозяйства должны участвовать не только экономисты, но и социологи и этнографы. Ведь в итоге исследований социологов и этнографов в африканских районах накоплен опромный фактический материал.

Отношение африканцев к земле — важнейшему средству производства — обусловлено издревле преобладающей в большинстве районов Африки южнее Сахары общинной системой землевладения. Так, бельгийский ученый Ж. ван Винг писал в 1959 г. о народе баконго: «Собственность на землю у баконго коллективна... Неделимым участком земли владеет род или подразделение рода. Но род состоит не только из живых; он включает обязательно и даже в первую очередь умерших сородичей — „бакулу“... Живые члены рода обрабатывают поля, собирают дикорастущие дары природы, охотятся, ловят рыбу. Они используют доставшуюся от предков землю, но умершие сохраняют право собственности на нее. Род и занимаемая им земля составляют неделимое целое, власть над которыми принадлежит „бакулу“»¹.

В районах общинного землевладения каждый член общины в принципе может брать из общего фонда землю под обработку, причем в таком количестве, в каком ему требуется. Эта концепция, сложившаяся еще в доколониальный период в условиях преобладания натурального хозяйства (тогда человек не мог взять в обработку больше земли, чем это действительно требовалось для прокормления семьи), в современных условиях в ряде районов (как, например, в «кукурузном поясе» Замбии) была ловко использована кулаками-фермерами, которые расширили площадь запашек с применением плуга и наемного труда ради увеличения производства продукции для рынка и личного обогащения².

В обширных районах Восточной, Центральной и Южной Африки земля, однажды взятая общинником в обработку и фактически используемая им, считается его неприкосновенным владением — никто не вправе согнать крестьянина с земли, пока он ее обрабатывает. Поэтому насильственная экспроприация колонизаторами земельных угодий в Южной Африке, Родезии, Кении, Замбии явилась, с точки зрения африканских крестьян, грубейшим надругательством над человеческой справедливостью.

Права на залежные земли, по понятиям африканцев, сохраняются, пока земля полностью не восстановит свое плодородие и не сольется с массивами целины. Воспользовавшись этим обычаем, кулаки-фермеры в Замбии в настоящее время взяли в обработку свои старопашотные земли, применяя искусственные удобрения. В их расчеты не входило возвращать эти земли в общинный фонд, поскольку они сами и при помощи батраков расчистили землю от деревьев, пней и корней под плужную обработку, устроили противозерозионные валы и террасы и вырыли колодцы³.

В настоящее время в условиях прогрессирующего в связи с ростом населения недостатка земли община в ряде районов начинает ограничивать права на землю. Так, у народа бемба (Замбия) земля человека, долго отсутствующего в деревне, например, занятого отходничеством в промышленности, обычно берется в обработку соседями с согласия его родственников. При этом семью, которая отказывает нуждающимся в принадлежащей ей залежной земле, могут объявить «колдунами»⁴.

Каждая семья, ведущая хозяйство в рамках переложной системы земледелия, имеет неотъемлемые права на места, где ранее были жилища и загоны для скота; такие земли, обильно удобренные экскремента-

¹ G. van. Wing, Etudes Bakongo. Sociologie, religion et magic, Bruxelles, 1959, p. 85.

² «Land holding and land usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District», London, 1948 pp. 93—112.

³ Там же, стр. 96—108.

⁴ A. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, London, 1939.

ми и отходами домашнего хозяйства, используют под табак, лекарственные травы и другие ценные растения.

Индивидуальным владением отдельных крестьян считаются также и построенные на речках рыболовные запруды и вырытые на общинной земле пруды. У народа баротсе (Замбия) хозяин может организовать в своем пруду коллективную рыбную ловлю и получить за это долю улова⁵.

Пастбища, леса, участки, имеющие культовое значение (с могилами вождей, «священными» деревьями) и даже дикорастущие плодовые деревья, оставшиеся на индивидуальных участках после расчистки, находятся в коллективном пользовании. У баротсе крестьянин, срубивший дикое полезное дерево при подготовке своего участка под посев, считается человеком безнравственным⁶.

До прихода европейцев на большей части территории африканских районов общинного землевладения, кроме особенно густо заселенных областей, земля, как правило, не наследовалась, хотя по наследству передавались скот, там, где он был, запасы продуктов, движимое имущество, дома, титулы и должности и даже жены. В XX в. в условиях растущего недостатка земли и развития товарного производства, земля во многих районах стала превращаться в объект регулярного наследования. 14% земли у крестьян тонга (Замбия) в 1945 г. были приобретены наследственным путем. Это довольно высокий показатель, если учесть, что здесь преобладало переложное земледелие⁷. У народов с матрилинейным порядком наследования отцы в настоящее время стремятся передавать землю своим сыновьям, а не племянникам по материнской линии и не братьям, используя свое традиционное право прижизненной передачи земли любому лицу.

Важнейшей тенденцией современности является развитие частнособственнических устремлений африканских крестьян. Важно отметить, что «индивидуализировать» права на землю хотят в первую очередь зажиточные крестьяне. Эта прослойка выделилась в процессе развития товарного производства.

В. Аллан, М. Глукман, Д. Петерс и Ч. Трапнелл, обследовавшие резерваты тонга (Замбия) в 1945 г., отмечали: все старшины деревень единогласно утверждали, что продажа земли безнравственна и что, если земельная сделка состоится, продавца следует заставить вернуть деньги покупателю и взять свою землю обратно. Но те же ученые не без оснований объясняли ответы старшин страхом перед тем, что право скупать землю в стране тонга могут получить и европейцы. В действительности же купля-продажа земли у тонга практикуется давно, по крайней мере, с начала европейской колонизации⁸. Англичане Смит и Дейл сообщали в 1920 г., что у народа ила (Замбия) община может обменивать землю на скот, мотыги, наркотики и даже продать ее за деньги; выкуп носит традиционное название «итонго» и принадлежит общине⁹. Еще в XIX в. гикуйю (Кения) выкупили за скот крупные массивы земли у соседнего охотничьего народа доробо; подобные же сделки бывали и в среде самих гикуйю¹⁰. Таким образом, есть основания говорить о том, что зачаточные формы купли-продажи земли восходят еще к доколониальному периоду.

⁵ M. Gluckman, *Economy of the Central Barotse Plain*, Livingston, 1941.

⁶ Там же.

⁷ «Land holding and land usage among the Plateau Tonga of Mazambuka District», pp. 92—93.

⁸ Там же, стр. 95.

⁹ E. Smith and A. Dale, *The ila-speaking peoples of Northern Rhodesia*, vol. I, London, 1920.

¹⁰ И. Б. Маценко, *Сельское хозяйство Кении накануне провозглашения независимости*, М., 1968, стр. 54—55.

Сейчас выкуп в первую очередь выплачивается за земли, на которых были сделаны улучшения, а также за те участки, при расчистке которых применялся наемный труд. У народа кгатла (Ботсвана) при передаче в новые руки расчищенного или удобренного навозом участка старый хозяин получает корову или теленка¹¹. В районах развитого товарного производства рядовые крестьяне продают и покупают землю, как таковую, независимо от того, были ли на ней произведены улучшения. В первую очередь это относится к Гане, Нигерии, Берегу Слоновой Кости, Уганде и Судану.

Советские исследователи А. Б. Летнев и К. Н. Новоселов подчеркивают, что вложенные в землю средства дают хозяину моральные и юридические основания заявлять свои особые права на нее; со временем эти права превращаются в право передачи земли по наследству и право ее свободного отчуждения. Летнев и Новоселов пишут: «Развитие производительных сил и, в частности, внедрение многолетних товарных культур... повлекло за собой появление новых тенденций в области земельного права. В сознании земледельца-общинника происходил переворот. Его постепенно переставала удовлетворять собственность только на плоды высаженного им растения: он претендовал на землю, на которой эти растения произрастали, хотя она и находилась в коллективном владении»¹².

Следует отметить, что эволюция общинного африканского землевладения в частное создает, с одной стороны, чувство обеспеченности земельного держания у крестьян, что нужно для развития сельского хозяйства, но с другой — препятствует объединению земли в крупные консолидированные массивы и любой иной перегруппировке земли в интересах развития сельского хозяйства.

* * *

Хозяйственный консерватизм крестьянства хорошо известен. Бывший генеральный директор ФАО д-р Биной Раджан Сен писал: «Любая программа экономического развития должна учитывать социальные факторы. Это особенно относится к сфере сельского хозяйства, так как консерватизм крестьян общезвестен. Крестьяне могут тратить на новшества в хозяйстве лишь незначительную часть своего дохода. Наконец, они крепко привязаны к традиционному образу жизни, представляют наиболее консервативную социальную среду»¹³. В высказывании индийского ученого вскрыты два истока консерватизма крестьян: ограниченность материальных ресурсов, не позволяющая идти на риск хозяйственного эксперимента и производить улучшения, и комплекс предрассудков, традиций и обычаев, заставляющих следовать во всем примеру предков. На последнем моменте мы и остановимся.

Американские экономисты Саутворт и Джонстон спрашивают: почему крестьянство развивающихся стран с такой неохотой отказывается от традиционной агротехники и согласовывает свои действия с общенациональными мероприятиями?

Одна из причин — недоверие крестьян ко всему, что приходит в деревню извне — к сельскохозяйственным нововведениям, равно как и к судьям, полицейским, сборщикам налогов, чиновникам и т. д. и боязнь обмана со стороны тех, кто является носителем всего нового и чуждого. Э. Бэнфилд отмечает, что крестьяне склонны воспринимать как обман претензии любого лица или организации на то, что они действуют в интересах общественной, а не личной выгоды¹⁴. Что касается нацио-

¹¹ Sh. Schapera, *Native land tenure in the Bechuanaland Protectorate*, Lovedale, 1943.

¹² «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке», М., 1964, стр. 160.

¹³ «Курьер ЮНЕСКО», Париж, 1962, № 7—8, стр. 14.

¹⁴ E. Banfield, *The moral basis of a backward society*, Glencoe, 1958, p. 92.

нального самосознания, то не следует забывать, что процесс консолидации наций в Африке южнее Сахары еще далеко не завершен и крестьянин обычно чувствует себя членом общины, рода, племени, но не нации¹⁵.

Ученые, обследовавшие страну тонга, отмечали, что, несмотря на усилия сельскохозяйственной пропаганды, на наличие скота, рядовые крестьяне обычно начинают применять для удобрения навоз лишь в тех случаях, когда в обработку приходится брать истощенные или малоплодородные земли. Если исключить кулаков-фермеров, тонга обычно не используют навоз, чтобы поддерживать плодородие почв, и если бы появились новые массивы целины, многие вообще забросили бы внесение удобрений в землю¹⁶.

В колониальный период невосприимчивость рядовых африканских крестьян к сельскохозяйственным новшествам в большой мере объяснялась недоверием, страхом и ненавистью по отношению к европейцам-колонизаторам.

В Зулуленде (Южноафриканский Союз) старый крестьянин ругал сельскохозяйственного чиновника за то, что тот «пришел погубить всю область». Впоследствии этот зулус говорил в беседе с учеными: «Я не настолько глуп, чтобы не видеть, что его методы лучше наших. Но если мы воспримем его методы, белые увидят, что наша земля хороша, и отберут ее у нас. Они не должны знать, насколько хороша наша земля»¹⁷.

Исходившие от европейцев нововведения в сельскохозяйственном производстве нередко вызывали не только недоверие и страх, но и открытое возмущение крестьянства. Примером может служить восстание народа шамбала (Танзания) в 1955 г. В горах Улугури англичане надеялись, внедрив террасное земледелие, поднять производство товарных культур. Уже первые шаги английских властей в 1950 г. вызвали протесты африканцев, а в 1955 г. крестьянские сходы в деревнях превратились в бурные митинги. В деревне Мотамбо в ответ на призыв комиссара дистрикта выполнять указания властей 1500 крестьян начали скандировать «Хатутаки матута» («Не хотим террас!»). Англичане ввели в Улугури роту полиции и произвели массовые аресты¹⁸.

В независимых странах Африки властям нередко приходится сталкиваться все с той же проблемой консерватизма крестьян при попытках сельскохозяйственных нововведений. Этот негативный фактор постепенно преодолевается двумя основными путями, которые тесно переплетаются и неразрывно связаны между собой. Первый — просвещение, ибо совершенно очевидно, что грамотные крестьяне легче понимают и усваивают смысл нововведений, чем неграмотные. Второй — прогрессивное преобразование аграрного строя, и в первую очередь широкое вовлечение крестьянства в различные формы сельскохозяйственной кооперации, которое стало характерной чертой африканской действительности сегодняшнего дня.

* * *

В течение многих веков вся деятельность общины в Африке южнее Сахары была ориентирована на производство самого необходимого для жизни общинника, а не на производство каких-либо излишков продукции для экспорта, местного рынка или повышения жизненного уровня кре-

¹⁵ C. Malik. Developing leadership in new countries, New York, 1963.

¹⁶ «Land holding and land usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District», p. 68.

¹⁷ «Land holding and land usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District», p. 66.

¹⁸ «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке», стр. 256.

стьян. В суровой борьбе с природой африканские крестьяне привыкли довольствоваться лишь самым необходимым. Это обстоятельство сейчас препятствует сельскохозяйственному прогрессу.

Африканский крестьянин, слабо связанный с рынком, прежде всего заботится о самосохранении. Это для него важнее, чем возможность увеличения дохода общинного, частного, коллективного или любого другого хозяйства. Именно поэтому крестьяне настойчиво стремятся производить в своих хозяйствах все основные продукты для семьи даже и тогда, когда можно получать какой-то товарный доход путем специализации хозяйства на производстве одного-трех видов продукции. Они медленно приходят к пониманию того, что использование земли и семейной рабочей силы по-новому, выгодно.

Ученые-расисты объясняют такое поведение «прирожденной ленью» и «безынициативностью» африканцев. Английских исследователей тонга поражало, что крестьяне мирятся с низкой урожайностью полей, низкой продуктивностью скота, низким уровнем жизни. В сухой сезон большинство тонга проводили время в бездействии вместо того, чтобы усиленно охотиться, ловить рыбу на продажу либо заниматься мелкой торговлей и отходничеством¹⁹.

Точно так же относятся и многие африканские крестьяне к получению денежного дохода для себя, семьи, родовой группы, общины или кооператива.

Очевидно, что никакой проект развития сельского хозяйства не удастся, если крестьяне не будут стремиться к получению дополнительного дохода.

В то же время в Африке южнее Сахары есть районы, где большинство крестьян плохо знает возможности сельского хозяйства у себя на родине и привыкло добывать деньги отходничеством. В таких районах в последние десятилетия колониального периода сельское хозяйство начало даже рассматриваться как недостойное мужчины занятие. Подобное отношение к земледелию распространено, например, среди басуто (Лесото) и нубийцев (Судан)²⁰.

С другой стороны, есть районы, где сельское население желало бы увеличить доход, но в связи с наличием тяжелого опыта колониального прошлого до сих пор в массе своей смотрит скептически на возможности его получения. К таким районам относится, например, страна моси (Верхняя Вольта)²¹.

Есть и такие районы, где крестьянство привыкло систематически получать товарный доход от сельского хозяйства, но не выше определенного уровня. Известно, что хлопководы-сукума (Танзания) в некоторых районах в годы хороших урожаев оставляют часть хлопка на полях, а барунди (Бурунди) в годы высоких цен на кофе иногда не собирают часть кофейных зерен²². Здесь сказывается психология рядового крестьянина, привыкшего веками вести хозяйство в условиях простого воспроизводства.

Иногда африканских крестьян бывает нелегко убедить в том, что усовершенствования в сельском хозяйстве будут носить устойчивый характер. В первую очередь это относится к районам, где случайности погоды часто влияют на урожай, а рыночная конъюнктура делает доход

¹⁹ «Land holding and land usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District», p. 169.

²⁰ G. Foster, Peasant society and the image of limited good, «American Anthropologist», vol. 67, 1965, № 2, pp. 296—298, 307.

²¹ J. de Wilde et al., Experiences with agricultural development in Tropical Africa, vol. I, Baltimore, 1967, p. 56.

²² P. Leurquin, Le niveau de vie des populations rurales du Ruanda-Urundi, Louvain, 1960, p. 313.

в высшей степени ненадежным. Отмечается, что небольшое и неустойчивое повышение дохода обычно бывает довольно безразличным для большинства рядовых крестьян-африканцев. Точно так же крестьянин проявляет малую заинтересованность во внедрении удобрений и улучшенных сортов растений, если оно не приводит к резкому и устойчивому повышению урожайности²³.

Поскольку террасное земледелие и строительство противозерозионных сооружений дают эффект лишь через годы, они вызывают довольно равнодушное отношение к себе со стороны крестьян; нововведения обычно внедряют в рамках других мероприятий. Это явление можно связать с ограниченностью временного кругозора крестьян²⁴.

В большинстве районов, чтобы пробудить интерес массы рядовых африканских крестьян к нововведениям, увеличение доходов и повышение уровня жизни должно быть резким и немедленным. Небольшое увеличение дохода от продажи продукции крестьяне с трудом отличают от увеличения доходов, связанного с благоприятными условиями погоды или рыночной конъюнктуры. Далее, небольшое увеличение доходов от земледелия может показаться крестьянам не более выгодным, чем, например, работа по найму.

Опыт XX в. показал, что в Африке южнее Сахары наибольший прогресс был достигнут в возделывании наиболее прибыльных товарных культур — кофе «робуста» и какао в Западной, кофе «арабика» и чая в Восточной Африке и т. д. На Береге Слоновой Кости, например, большая часть кофейных деревьев была высажена в 1952—1959 гг., когда резко повысились цены на кофе. Наоборот, в Гане в 1968—1969 гг. резкое снижение мировых цен на какао-бобы привело к столь же резкому ухудшению ухода за деревьями какао со стороны крестьян²⁵.

Нередко африканские крестьяне неохотно переселяются на вновь орошаемые земли, ибо это связано с переменной природной среды, необходимостью усвоения незнакомых методов хозяйства и разрывом старых родо-племенных связей, которые здесь столь высоко ценятся. Чтобы привлечь переселенцев, необходимо опять-таки резкое, немедленное и устойчивое повышение их товарного дохода и уровня жизни. В Судане переселение фермеров на земли Гезиры и Манагила было успешным, ибо возделывание высокодоходной культуры длинноволокнистого хлопчатника принесло переселенцам желаемое увеличение доходов. А в то же время развитие орошаемого рисоводства в Западной Африке в наши дни наталкивается на такое препятствие, как нежелание крестьян переселяться в новые районы, ибо возделывание риса, столь нужного для Берега Слоновой Кости, Либерии, Верхней Вольты, Гвинеи, Мали и Ганы, не приносит достаточно резкого повышения доходов в связи с конкуренцией риса, ввозимого из Бирмы, Таиланда и США²⁶.

Важную роль играет не только абсолютное увеличение дохода от земледелия, но и то, как и кем будет тратиться этот доход. Там, где дополнительный доход тратится на приобретение спиртных напитков или того, что по африканским стандартам является предметами роскоши, интерес к повышению товарного дохода обычно ограничен. Отклик на возможность увеличения дохода обычно более благоприятен там, где от дополнительного дохода выигрывает вся семья в целом.

* * *

Совершенно специфическую проблему представляет традиционное отношение большинства африканских крестьян-животноводов к скоту, в особенности к крупному рогатому; оно может на первый взгляд показаться бессмысленным с экономической точки зрения.

²³ J. de Wilde et al., Указ. раб., стр. 60—64.

²⁴ J. de Wilde et al., Указ. раб., стр. 60, 61.

²⁵ «Africa Diary», New Delhi, 1969, vol. 9, № 13.

²⁶ «West Africa», London, 1966, № 2582, p. 1365; № 2586, p. 1487.

Скотоводческие народы Африки сосредоточивают у себя весьма значительную часть поголовья скота. Скотоводы-кочевники питаются в основном мясом и молоком, а также кровью домашних животных, смешанной с молоком. При этом на убой идет по преимуществу мелкий скот. Крупных животных крайне неохотно забивают или продают. Особенно это характерно для земледельческо-животноводческих народов. Волон используют на пахоте, коров доят, но в пищу идет главным образом мясо лишь издохших, старых и безнадежно больных животных. Только в связи с религиозными праздниками и похоронами иногда забивается несколько голов здорового крупного рогатого скота; у некоторых народов для этой цели специально держат убойных быков.

В итоге Африка, располагающая 12,5% мирового поголовья крупного рогатого скота, 13% мирового поголовья овец и 30% коз, дает всего 5% мировой продукции мяса и выступает как крупный импортер мясоспродуктов²⁷.

Яркий пример того, во что может вылиться традиционное отношение к скоту, дают недавние события на рынках Замбии.

На протяжении десятилетий Замбия ввозила говядину из соседней Родезии, где основным поставщиком этого товара были фермы европейских колонистов. В 1966 г. правительство ввело эмбарго на импорт товаров из расистской Родезии, и сразу же на рынках Замбии стал ощущаться острый дефицит мяса. Замбия располагала 1250 тыс. голов крупного рогатого скота, но по традиции африканские скотовладельцы, за исключением зажиточного меньшинства, не хотели продавать сколько-нибудь значительную часть своих стад на мясо. Когда недостаток мяса стал совершенно нетерпимым, государственная компания «Кулд сторедж борд» развернула агитацию, убеждая народ продавать скот в национальных интересах. Правительство подняло закупочные цены на скот: в 1966—1967 гг. упитанное животное можно было продать за 50 ф. ст. Но на начало 1967 г. «Кулд сторедж борд» удалоськупить всего 1215 голов скота, тогда как для разрешения «мясной проблемы» требовалось не менее 125 тыс. голов²⁸.

С характерным для Африки южнее Сахары традиционным отношением к скоту мы встретимся не только в Замбии, но и во многих других странах. Дж. де Уайлд связывает его не с «гордостью обладания», как это делает французский ученый М. Отре²⁹, а в первую очередь с заботой о самосохранении и обеспечении прожиточного минимума. Крупный рогатый скот — традиционная форма накопления, своего рода «сберегательная книжка» для бедного африканского крестьянина. Средства из этого резерва черпают лишь при чрезвычайных обстоятельствах, таких, как жертвоприношение, внесение выкупа за невесту, выплата налогов. В саваннных районах с нерегулярным выпадением осадков, где наиболее распространено смешанное хозяйство, скот может служить гарантией от голода и нищеты на случай засухи и неурожая. Здесь многие крестьяне в годы обилия осадков и пастбищных кормов стремятся увеличить поголовье скота в максимальной мере, учитывая, что оно может сократиться в последующие годы, когда в связи с погодными условиями пастбищных кормов будет не хватать так же, как и продуктов земледелия³⁰.

Немаловажный мотив экономического порядка — стремление накопить побольше крупного рогатого скота с тем, чтобы в обмен на него можно было обзавестись возможно большим числом жен, представ-

²⁷ «Production yearbook, 1965»; Rome, FAO, 1966, pp. 164—191, 209, 223.

²⁸ «Africa Diary», 1967, vol. 7, № 14, p. 3343.

²⁹ «Курьер ЮНЕСКО», 1962, № 7—8, стр. 28.

³⁰ J. de Wilde et al., Указ. раб., стр. 55, 56.

ляющих собой в африканской деревне не что иное, как рабочую силу в земледелии.

В. Аллан объясняет стремление к накоплению крупного рогатого скота у пастушеских народов Африки тем, что в прошлом «...стадам козевников постоянно грозили эпизоотии и нападения воинственных соседей и хищных зверей. Не было никакой гарантии, что поголовье скота не погибнет в результате нападений врагов или хищников, но содержание многочисленных стад обеспечивало относительную безопасность, так что даже после тяжелых потерь оставалось достаточно животных для обеспечения людей потребительской продукцией и для воспроизводства стад»³¹.

Нельзя не подчеркнуть, что в настоящее время традиционное отношение к скоту постепенно меняется. Так, в Кении многие крестьяне-гикую имеют теперь возможность получать денежный доход не только от продажи товарных культур, но и от высокопродуктивного мясо-молочного животноводства. Д. Белшоу отмечал в 1963 г., что в Восточной Уганде в годы, когда хлопчатник приносит низкие урожаи, крестьяне компенсируют это продажей большого количества скота³².

Не случайно, что скот в первую очередь и наиболее охотно начинают продавать зажиточные элементы африканской деревни, выделившиеся в процессе развития товарного производства. Английский ученый В. Шеддик отмечал в 1954 г., что в ранний период колонизации более зажиточные басуто вкладывали все свободные деньги в накопление скота; теперь же, обзаведясь тягловым скотом и обеспечив своих сыновей нужным числом голов для выкупа невест, они продают излишний скот и вкладывают деньги в приобретение земледельческих орудий (которые сдают в аренду односельчанам), в акции южноафриканских компаний и даже в покупку земли за пределами страны³³.

* * *

На примере Замбии мы могли убедиться в том, что консервативные традиции африканского общества осложняют и без того остро стоящую в Африке продовольственную проблему. Сейчас мы специально остановимся на консервативных традициях и предрассудках в области питания.

В результате многовекового процесса развития человек отобрал из животных и растительных видов те, которые лучше других служат поддержанию его жизни и здоровья, соответствуют его вкусам и физическим возможностям, обеспечивают его благосостояние. Но этот отбор сопровождался бесчисленными ограничениями — религиозными, моральными, социальными и культурными — в области питания, очень многие из которых являются совершенно неоправданными, а подчас и необъяснимыми с рациональной точки зрения. В итоге, как бы ограничены ни были местные пищевые ресурсы, человек и их обычно использует далеко недостаточно.

Традиционные пищевые запреты (табу) африканских народов чаще всего распространяются на те или иные виды мясных, рыбных и молочных продуктов. У скотоводов-масаи (Кения — Танзания) потребление в пищу в одно и то же время мяса и молока считается преступлением: масаи 15—20 дней едят только мясо, а затем столько же времени пьют только молоко. Нанди (Кения) потребляют почти исключительно коровье молоко; козье пьют чрезвычайно редко, хотя есть большое пого-

³¹ W. Allan, *The African Husbandman*, New York, 1965, p. 313.

³² «Annual conference of the Uganda agricultural Association», Kampala, 1963, 16 September.

³³ V. Sheddick, *Land tenure in Basutoland*, London, 1954.

ловые козы, а молоко козы превосходит по питательности коровье. У гакуйю (Кения) в прошлом считалось, что съевший хотя бы однажды рыбу осквернен навсегда. Народы Эфиопии разводят свиней для продажи европейцам, сами же практически не едят свинины³⁴. Свинину не потребляют в районах, населенных мусульманами.

Нередко причиной пищевых табу, касающихся животноводческих продуктов, являются тотемизм или его пережитки. Реже тотемизм распространяется на растения: в таком случае членам рода запрещается рубить или собирать соответствующие растения и потреблять их ягоды, листья, клубни и т. д.

Постоянные или временные запреты, касающиеся определенных видов пищи и в первую очередь содержащих животные белки, распространяются особенно часто на более слабую и зависимую часть населения — беременных женщин, кормящих матерей, маленьких детей и подростков, т. е. именно на тех, кому больше всего нужна белковая пища. Так, в ряде районов беременной женщине возбраняется есть мясо в любом виде, кур, лягушек и т. д.; в других районах им запрещена рыба. Маленькому ребенку приходится питаться только материнским молоком или кашей из кукурузы, проса, сорго или маниока. Детям не дают яиц, рыбы, мяса, фруктов. Неудивительно, что матери начинают страдать от анемии и авитаминоза (болезнь бери-бери), а дети становятся жертвами квашиоркора — белкового голодания. Неудивительно также, что возникают заболевания, вызванные недостатком витаминов А, часто приводящие к слепоте, и бесчисленные болезни, связанные с недостатком витамина В (пеллагра, арибофлавиноз), создающие почву для инфекций, часто приводящих к гибели детей.

В то время как уровень детской смертности в возрасте до года в странах Запада колеблется от 10 до 30 на тысячу, в развивающихся странах на тысячу детей в этом возрасте приходится 100—300 смертельных случаев. На каждого ребенка в возрасте 1—4, лет, умирающего во Франции или в Швеции, в Африке приходится 50, причем основной, прямой или косвенной причиной смерти является недоедание³⁵.

Борьба за решение продовольственной проблемы в молодых независимых странах Африки ведется главным образом путем развития сельского хозяйства и пищевой промышленности, но также и путем просвещения населения и коммерческой рекламы пищевых продуктов. Например, правительство Замбии начало в 1967 г. общенациональную кампанию против недоедания³⁶.

* * *

В жизни африканского крестьянства, как и крестьянства развивающихся стран вообще, большую роль играют религиозные верования суеверия.

В 1963 г. число африканцев-христиан составляло 35 млн.³⁷ Численность мусульман в Африке южнее Сахары оценивалась в 1953 г. 90 млн.³⁸ Свыше 60% населения Тропической и Южной Африки составляют приверженцы автохтонных религий, обычно сочетающих элементы культа предков и обожествления сил природы³⁹.

Религия гасит в африканском крестьянине дух активной борьбы силами природы и социальными силами, мешающими его успешной хозяйственной деятельности. Обычно он склонен приписывать все не-

³⁴ М. В. Райт, Народы Эфиопии, М., 1965, стр. 53.

³⁵ «Курьер ЮНЕСКО», 1962, № 7—8, стр. 28.

³⁶ «Africa diary 1967, vol. 7, № 19, pp. 3384, 3385.

³⁷ «Африка. Энциклопедический справочник», М., 1963, т. II, стр. 294.

³⁸ «Wissenschaftliche Zeitschrift der Fr. Schiller-Universität, Jena», 1960/61, Gesellschaft- und Sprachenwissenschaftliche Reihe, Hf. 2, S. 309.

³⁹ Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964, стр. 5.

благоприятные явления неотразимой воле сверхъестественных сил. Как отмечают Саутворт и Джонстон, «...крестьянин может умолять, просить, умиловать и надеяться на чудо — и в то же время не предпринимать никаких инициативных шагов в своем хозяйстве»⁴⁰.

Духам предков и божествам в африканской деревне принято приносить жертвы в виде сельскохозяйственных продуктов — «первых плодов». У тхонга (Мозамбик) по поводу таких бедствий, как засухи, эпидемии, эпизоотии, приносятся экстраординарные жертвы духам предков верховного вождя. Для «вызывания дождя» вождь приносит в жертву черного барана или быка. Кроме того, ежедневно приносятся жертвы в виде растрепанного табака⁴¹.

У всех народов Африки очень много обрядов белой и черной магии. И все этнографы подчеркивают склонность африканских крестьян в любом случае жизни прибегать к помощи колдовских средств, а в любом необычайном явлении или событии усматривать магическое предзнаменование либо проявление чьих-то колдовских козней⁴².

Колдовство и суеверия сочетаются в африканских крестьянах со здоровым хозяйственным смыслом и отличным знанием природной среды. За века борьбы с природой африканское крестьянство накопило немало эмпирических знаний и рациональных приемов хозяйственной деятельности. Крестьяне мыслят и поступают вполне логично с точки зрения данного уровня развития производительных сил и культуры. Но там, где они, несмотря на проверенные опытом наблюдения и изобретения, остаются бессильными — перед лицом стихийных бедствий, загадок природы и т. д. — их представления и обычаи в такой мере носят на себе печать субъективизма, иррационализма и алогичности, что нередко озадачивают ученых своей видимой бессмысленностью.

Э. Эванс-Притчард писал в 1950 г. о крестьянах народа азанде (Судан — Конго — Центральноафриканская Республика), что они отлично сознают причинно-следственную связь вещей, проявляют здравый смысл, смекалку и уверенность там, где им приходится иметь дело с известным и привычным порядком вещей. Представления же о сверхъестественном появляются у них при столкновении с явлениями, незнакомыми им, экстраординарными, не подвластными, по их убеждениям, человеческому воздействию⁴³.

У многих народов, приступая к постройке новой деревни или хижины, крестьяне решают путем гадания, которое из возможных мест поселения обеспечит им благосостояние вплоть до очередного истощения земель. Наибольшее зло, которого опасаются в данном случае, это колдовство со стороны соседей⁴⁴.

Дж. де Уайлд отмечает, что религиозные верования и суеверия нередко ведут к нарушению ритма сельскохозяйственных работ в Тропической Африке. Так, работа в определенные дни и периоды может быть запрещена из «уважения» к лесным духам. Смерть родственника или соседа, как правило, ведет к длительному перерыву в сельскохозяйственных работах, ибо общинники считают долгом отметить соответствующими церемониями «превращение человека в духа». Но тот же автор отмечает, что распространение товарного земледелия имеет общую тенденцию уменьшать значение религиозных обрядов и церемоний⁴⁵.

⁴⁰ H. Southworth and B. Johnston (Eds.), *Agricultural development and economic growth*, New York, 1967, p. 72.

⁴¹ H. Junod, *The life of a South African tribe*, vol. II, Neuchatel, 1912, pp. 364, 372.

⁴² Б. И. Шаревская, Указ. раб., стр. 185.

⁴³ E. Evans-Pritchard, *Witchcraft, oracles and magic among the Azande*, Oxford, 1950, pp. 418, 419.

⁴⁴ «Land holding and land usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District», p. 33.

⁴⁵ J. de Wilde et al., Указ. раб., стр. 86.

Очевидно, что для того, чтобы африканское крестьянство, как и крестьянство всех развивающихся стран, избавилось полностью от религиозных верований, суеверий и предрассудков, потребуется значительный исторический период.

В целом же преодоление влияния религии на африканское крестьянство немыслимо в отрыве от широкого комплекса экономических, социальных, политических, сельскохозяйственных, просветительных и культурных мероприятий.

* * *

В XVI—XIX вв. во многих районах Африки южнее Сахары крестьяне стихийно внедрили в свое хозяйство новые культуры, завезенные арабами из Азии (орошаемый рис) и португальцами из Америки (маниок, батат, кукурузу, табак). Позднее, находясь в условиях жесточайшего колониального гнета, эти крестьяне вновь доказали свою способность усваивать новое и применять его в своем хозяйстве. Недаром В. Аллан писал: «...небывалое распространение выращивания африканскими производителями товарных культур, особенно за последние 40 лет — это нечто беспрецедентное в колониальной истории»⁴⁶. В XX в. в ряде районов континента крестьяне перешли от натурального хозяйства к мелко-товарному, от мотыжного земледелия к плужному, начали выращивать такие товарные культуры, как кукуруза мучнистых сортов, пшеница, кукуруза, арахис, хлопчатник, сизаль, тедея, сахарный тростник, табак, масличная пальма, цитрусовые, ананасы, европейские овощи, деревья кофе и какао, чайный куст. В зонах, где не хватает земли и которые густо заселены, они местами совершили переход от переложного земледелия к интенсивному. В годы независимости в Кении в хозяйствах коренных жителей начали успешно возделываться чай, сизаль и пиретрум, производство которых ранее было монополией колонистов и плантационных компаний. В независимых Бурунди и Руанде в африканское земледелие внедряется культура чая, требующая применения сложной современной агротехники.

Независимое развитие многих африканских стран имеет недавнюю историю, и главные достижения африканского крестьянства еще впереди. Тем не менее с препятствиями на пути развития сельского хозяйства в этих странах приходится считаться; к числу таких препятствий относятся и некоторые традиции, обычаи и верования. Возраст многих традиций — сотни лет, другие же, как, например, недоверие и неприязнь ко всему европейскому, родились или получили сильное подкрепление в колониальный период. Для успешной борьбы с этими отрицательными факторами прогрессивная наука должна вскрыть всю их значимость, силу и живучесть и помочь народам африканских стран найти практические пути их преодоления.

INFLUENCE OF SOCIAL PSYCHOLOGY OF AFRICAN PEASANTRY ON AGRICULTURE

The social psychology of African peasantry is a historically determined phenomenon and is conditioned by social-economic and ecological factors. In the course of increasing contacts with urban places, markets, political parties, of the infiltration of modern culture the psychology of the African peasantry undergoes natural changes, just as the psychology of peasants of any other race or ethnic community would change in the same circumstances.

The author examines the attitude of African peasants towards land, agricultural innovations, cattle, income; he deals with woman's situation in the family, food prejudices, religious beliefs and other aspects of african peasants social psychology.

⁴⁶ W. Allan, Указ. раб., стр. 346.